

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Ю. С. Новопашин

Друзья и враги социалистических стран одинаково пристально наблюдают за развитием нового общества. Первые с его всесторонним укреплением, ростом международного влияния связывают надежды на дальнейшие успехи в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс. Вторые концентрируют внимание на фальсификаторском толковании природы этого общества, на выискивании трудностей, недостатков и ошибок в поступательном движении социализма, пытаются утвердить в умах людей мысль, будто эти недостатки и ошибки есть свидетельство «непреодолимых противоречий» между марксистским идеалом и действительностью. Критика социалистического строительства под флагом его несоответствия теоретическим представлениям о социализме — одно из ключевых направлений современного антикоммунизма. О нем и пойдет речь ниже.

Упрочение нового строя в СССР и братских социалистических странах не могут игнорировать ныне самые непримиримые противники коммунизма. Они вынуждены считаться, как это делает, скажем, профессор Джорджтаунского университета Т. Гейгер, с непреложным фактом «больших экономических достижений, крупных улучшений в жизненном уровне и значительного научного прогресса, имевших место за годы Советской власти». Однако в большинстве случаев такие признания сопровождаются оговоркой, что-де все эти успехи не приближают коммунистов к достижению конечных целей социалистического переустройства общества, поскольку, как заявляет тот же Гейгер, «основы отношений между управляющими и управляемыми, структура политической власти и отражающие и поддерживающие все это нормы поведения не претерпели после революции принципиальных изменений»¹.

Подобные рассуждения можно встретить также в работах З. Бжезинского, Б. Вольфа, З. Джордана, Р. Конкеста, С. Малле, А. Мейера, М. Родэнсона, Ч. Франкеля, Ф. Эрора, М. Яновича и других представителей многоликого антикоммунистического воинства. «Социализм,— поучает английский советолог Р. Конкест,— это прежде всего контроль общества над аппаратом государства», который «может быть действительным только тогда, когда осуществляется свободно избранными представителями общества... Коммунисты отвергают такую форму контроля»².

Контрольные функции народного представительства Р. Конкест противопоставляет организационным и управленческим функциям государ-

¹ T. Gejger. The Fortunes of the West. The Nature of the Atlantic Nations. London, Bloomington. 1973, p. 63.

² R. Conquest. Where Marx went Wrong. L. 1970, p. 36.

ственной власти. Это противопоставление — излюбленный прием авторов антикоммунистических концепций. В целях, весьма далеких от установления научной истины, они связывают свое понимание нового строя не иначе как с надеждами на ослабление руководящей роли партийных и государственных органов в политической системе стран социализма. Другими словами, такие концепции направлены именно против тех общественно-политических организаций и институтов этих стран, которые гарантируют последовательное движение по социалистическому пути и ослабление которых, как показала историческая практика, чревато назреванием кризисной обстановки, ростом антисоциалистических деформаций.

Выдвигая надуманные альтернативы — или контроль государства над обществом (нет социализма), или контроль общества над государством (есть социализм), — идеологи империализма пытаются: во-первых, коммунистов, признающих необходимость государственного руководства социалистическим строительством, обвинить в «отходе» от марксизма, «измене» ему; во-вторых, на основании собственной фальсификаторской интерпретации сущности социализма «отказать» социалистическим странам в праве именоваться таковыми. Нетрудно заметить, что в данном случае реальный социализм как первая фаза коммунистической формации подвергается критике с применением к нему критериев, относящихся ко второй, высшей фазе этой формации. С помощью такого приема антикоммунисты — в лице, например, профессора Венсенского университета С. Малле — стремятся протащить идею, что развитие социалистических стран не пошло будто бы дальше фазы «переходного к социализму общества». При этом К. Марксу, Ф. Энгельсу и В. И. Ленину приписывается мысль, что уже на начальном этапе развития социализма «диктатура пролетариата предполагает разрушение и отмирание государства»³. Сходных позиций придерживается профессор Мичиганского университета А. Мейер. Он заявляет, что В. И. Ленин якобы не видел нужды в существовании государственной администрации в послереволюционный период, так как возлагал надежды исключительно на фактор революционной сознательности, когда каждый член социалистического общества с «радостью отдаст свой труд ради общего дела и его не придется при этом принуждать или подкупать». Но поскольку, резюмирует А. Мейер, государственная власть сохраняет в СССР господствующие позиции, «действительность советского социализма дискредитирует идею социализма в не меньшей мере, чем действительность Запада дискредитирует идею свободного предпринимательства и конституционной демократии»⁴.

Подобная «аргументация» С. Малле и А. Мейера — пример определенного тактического маневра некоторых западных теоретиков, их попыток опереться не только на авторитет К. Маркса и Ф. Энгельса, но и В. И. Ленина. Ведь эти «теоретики» в основном занимаются противопоставлением К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленину или просто замалчивают вклад В. И. Ленина в разработку общей теории социализма. Ленинское учение о социалистическом государстве они объявляют вольной импровизацией, утверждая, что «Ленин приспособил марксизм для своих целей»⁵. Эти измышления не принесли их авторам удачи. В сознании сотен миллионов людей ленинизм прочно утвердился как марксизм XX века. В связи с этим теперь среди антикоммунистов наблюдается «новый» подход к ленинскому теоретическому наследию. Он состоит не в чем ином, как в произвольном толковании отдельных высказываний В. И. Ленина, и в первую очередь тех, в которых термины «социализм»

³ См. S. Mallet. Le pouvoir ouvrier. Bureaucratie ou démocratie ouvrière. P. 1971, pp. 55, 56.

⁴ A. Meyer. The Soviet Political System. An Interpretation. N. Y. 1965, pp. 76, 479.

⁵ R. Strausz-Hupe. Ideal vs. Ideology. «Saturday Review», 12. VI. 1965.

и «коммунизм» употребляются как однопорядковые понятия, характеризующие новый общественный строй в его развитом, развернутом виде. Стараясь опорочить деятельность социалистических государств, буржуазные пропагандисты сплошь и рядом прибегают к прямой фальсификации идей классиков марксизма-ленинизма.

Такой подлог совершает А. Мейер, когда пишет, что в своем плане социалистического строительства В. И. Ленин делал главный акцент на факторе революционной сознательности, что возглавляемая им партия большевиков будто бы «не предвидела необходимости введения материальных стимулов к труду, она рассчитывала на революционный энтузиазм населения, полагая, что после свержения эксплуататоров все граждане с восторгом и добровольно станут работать, не жалея сил»⁶. Мейер намеренно игнорирует ленинские указания, что социализм будет построен «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...». В. И. Ленин не случайно написал свое знаменитое «верно!» по поводу следующих слов в записке инженера Петрогубсовнархоза Е. И. Моисеева: «... люди не могут годами пребывать в состоянии экстатического подъема, и заставить их работать может только экономическая необходимость. На этом прозаическом фундаменте только и можно строить»⁷. Эти ленинские высказывания Мейер замалчивает, ибо они совершенно не согласуются с его спекуляциями.

Объект особого внимания антикоммунистов — работы В. И. Ленина, относящиеся к последним годам его жизни. Здесь скрупулезно выбираются те места, где идет речь о недостатках тогдашнего советского государственного аппарата и остро ставится вопрос о том, что «борьба с бюрократизмом есть борьба абсолютно необходимая и что она так же сложна, как задача борьбы с мелкобуржуазной стихией»⁸. Все это подается так, будто в последние годы жизни В. И. Ленин занимался только тем, что предостерегал от опасности «буйного разрастания бюрократизма», будто именно в эти годы он пришел к выводу о негативном воздействии госаппарата на прогресс социалистических отношений и «уже не доверял верхушке своей собственной партии»⁹. Истина, однако, состоит в том, что классики марксизма-ленинизма в установлении диктатуры пролетариата как формы государства в новом обществе видели главный вопрос социалистической революции; что, хотя их представления об этой государственности развивались и уточнялись, неизменной оставалась кардинальная мысль: без осуществления социалистическим государством таких важнейших функций, как защита революционных завоеваний трудящихся, хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная деятельность, немыслимо движение к всестороннему освобождению человека, что координация общественной жизни невозможна без централизованной в той или иной степени системы управления. На это прямо указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, отвергая нигилистический подход М. А. Бакунина и других анархистов к диктатуре пролетариата¹⁰.

В. И. Ленин уделял большое внимание вопросам государственного строительства. Красной нитью через всю политическую и теоретическую деятельность В. И. Ленина в послеоктябрьский период проходит тема о необходимости расширения социальной базы и укрепления пролетарского государства, обеспечения поголовной грамотности населения и вовлечения рядовых трудящихся в дело руководства народным хозяйством,

⁶ А. Мейер. *Op. cit.*, p. 83.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 151; «Ленинский сборник» XXIII, стр. 255.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 32.

⁹ G. Bartsch. *Revolution und Gegenrevolution in Osteuropa seit 1948*. «Aus Politik und Zeitgeschichte». Bd. 46, 16.XI.1968, S. 4.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, стр. 302—305; т. 19, стр. 27, 359—360.

управления страной, постоянной работы по изучению государственного аппарата и улучшению его функционирования. О том, какое важное значение придавал В. И. Ленин этой работе, можно судить по его принципиальным высказываниям, относящимся к 1921—1922 гг.: «Без аппарата» мы бы давно погибли»; «если мы будем изучать действительно наш аппарат и работать над ним годами и годами, то это будет громадным завоеванием, это и будет обеспечением нашего успеха»¹¹. В полном соответствии с выводами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина коммунисты считают прочную, дееспособную власть трудящихся общезначимой (сущностной) чертой нового строя. В социалистическом государстве они видят важный рычаг преобразования общественных отношений, преодоления отчужденности и условие полного раскрытия творческих, организаторских способностей рабочего класса. Ликвидация частной собственности и переход от частного присвоения к присвоению, осуществляемому государственно организованным пролетариатом и устраняющему социальный антагонизм управляющих и управляемых, служат материальным фундаментом для реализации творческих возможностей рабочего класса и всех трудящихся. Рабочий класс использует свою власть, свое право владения и распоряжения средствами производства и той частью овеществленного прошлого труда, которая составляет общественное накопление, в интересах гуманизации социально-экономических и общественно-политических отношений, фактического возвышения самих трудящихся до положения коллективных владельцев и распорядителей их совокупным производством и всеми ценностями, создаваемыми с его помощью. В этом — главное предназначение социалистического государства как политического орудия преодоления всех форм отчуждения.

Революционная практика нашей эпохи не дала примеров иных путей освобождения труда, она отвергла как негодные различные утопические, анархо-синдикалистские теории о возможности строительства нового общества без руководства им со стороны социалистического государства, олицетворяющего политическую волю рабочего класса. В этом смысле все марксисты — «государственники», то есть для них, говоря словами В. И. Ленина, бесспорно «признание *государства* вплоть до перерастания победившего социализма в полный коммунизм»¹².

Другое дело, что устранение антагонистичности социального разделения труда не тождественно полному преодолению противоречивости этого разделения, ликвидации всякого принуждения к деятельности, в том числе и опосредованно-экономического прикрепления человека к определенному виду труда. На этом, кстати, и паразитируют буржуазные идеологи, которые, фальсифицируя наследие основоположников научного социализма, запутывают вопрос об общезначимых чертах социалистического общества и клеветуют на страны мировой системы социализма. Например, по мнению С. Малле, страны социализма, устранив частную собственность, предприняли лишь первый шаг в освобождении труда, но так и не сделали второго, то есть не преодолели «антагонизма управляющих и управляемых», и, значит, заключает он, «не существует ни одного подлинно социалистического общества»¹³. Ход рассуждений С. Малле ясен. Он идет по пути подмены понятий. Из верной посылки, что в странах социализма нет еще полного социального равенства, не завершен процесс преодоления неантагонистических форм отчуждения, им делается, однако, неправомерный вывод о сохранении в этих странах и антагонистических форм отчуждения. Несостоятельность позиции Малле заключается прежде всего в отрыве антагонистического отчуждения от частной собственности на орудия и средства производства, которая «оказывается, с одной стороны, *продуктом* самоотчужденного труда, а с дру-

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 381; т. 45, стр. 250.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 20.

¹³ S. Mallet. Op. cit., pp. 44, 49.

гой стороны, *средством* его самоотчуждения, *реализацией этого самоотчуждения*»¹⁴. Антагонизм управляющих и управляемых самым тесным образом связан именно с нею и с системой эксплуататорских отношений, при которой функции труда становятся единственными функциями тех, кто этой собственности не имеет, а «функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала»¹⁵. В этих условиях не только обособляются друг от друга различные виды конкретного труда в качестве сфер хозяйственной деятельности частных собственников, но и происходит экономическое обособление, осуществляемое в специфически буржуазной форме, а именно в форме «обособления средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему»¹⁶.

Упразднение частной собственности, всех форм эксплуатации и угнетения упраздняет и непримиримое противостояние управляющих и управляемых. И возможно это только путем революционной замены капитализма социализмом как строем, базирующимся на двух основных формах социалистической собственности — государственной и кооперативной. Что же касается проблемы окончательного преодоления противоречивости разделения труда, то ни классики марксизма-ленинизма, ни какая-либо из коммунистических и рабочих партий никогда не выдвигали ее решение в разряд сущностных характеристик социализма, его неотъемлемых критериев¹⁷. К. Маркс считал, что такое преодоление станет возможным, когда прямые, непосредственно общественные отношения объединенных производителей смогут превратиться в целостную, всеохватывающую систему, систему, свободную от всех и всяческих остатков косвенных, товарно-денежных отношений, поскольку последние являются «не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, внешними отношениями лиц и общественными отношениями вещей»¹⁸. Эта всеохватывающая система непосредственно общественных отношений будет достигнута в самоуправляющейся коммунистической ассоциации, которая, по словам К. Маркса, «не есть нечто произвольное: она предполагает определенное развитие материальных и духовных условий»¹⁹. Маркс понимал, что социализм как первая ступень во всестороннем социальном освобождении еще не может обеспечить всего комплекса подобных условий²⁰.

На эту внутреннюю противоречивость социалистического общества обращал внимание и В. И. Ленин²¹. В частности, он реалистически расценивал возможности и сроки решения проблемы управляющих и управляемых, относя это решение к тому времени, когда будут преодолены различия между умственным и физическим трудом и изживут себя функции государственного управления как «*особые функции* особого слоя лю-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М. 1956, стр. 569.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 342.

¹⁶ Там же, стр. 371.

¹⁷ Приходится, правда, сталкиваться иногда с упрощенной трактовкой проблемы преодоления отчуждения (в том числе в политической сфере): раз утвердилась диктатура пролетариата и социалистические производственные отношения одержали победу, проблема отчуждения перестала существовать. Однако большинством марксистских исследователей подобный «облегченный» подход отвергнут. Ими показаны трудности на пути решения этой проблемы, пронизывающие хотя бы из того, что социализму в наследство от капитализма достались, как отмечает, в частности, акад. М. Б. Митин, «гипертрофия в разделении труда, сильные различия между умственным и физическим трудом, между городом и деревней и т. п. — явления, оказывающие вредное воздействие на социальные отношения, на духовный мир человека, на его нервную систему и здоровье... Социалистическая революция кладет конец капиталистическому отчуждению труда, но процесс освобождения от охарактеризованного здесь капиталистического «наследства», то есть от вторичных и побочных продуктов и следствий отчуждения труда, — это длительный и сложный процесс» («Вопросы философии», 1973, № 4, стр. 90).

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 83.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 46, ч. 1, стр. 102.

²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 18—19.

²¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 92—95; т. 34, стр. 315.

дей». «Экономической основой полного отмирания государства,— отмечал В. И. Ленин,— является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя». В. И. Ленин подчеркивал, что социализм надо строить с людьми, которые «без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся»²². Окончательное уничтожение социального разделения труда между людьми он рассматривал как «грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма»²³.

Выдвигая критерии коммунистического общества в качестве критериев социализма, буржуазные идеологи предпринимают это не по неведению, а с вполне определенными намерениями. Они хотят навязать такое понимание сущности социализма, под влиянием которого неизбежно возникнул бы вопрос: а подлинно ли социалистическое общество создано в СССР, в других странах мировой системы социализма?

Уже давно положительно ответила на этот вопрос сама жизнь. В СССР и в большинстве других стран мировой системы социализма одержал бесповоротную победу социалистический способ производства. Во всех сферах жизнедеятельности стран социализма осуществлены важнейшие революционные преобразования, породившие в совокупности социалистическую общественную систему. Главная ее черта, основной критерий — гуманизация труда, постоянная направленность интересов государства на подъем народного благосостояния, расцвет социалистической личности. Разумеется, странам социализма предстоит еще решить немало проблем, в том числе в сфере производства, подъем которого — основа дальнейшего роста народного благосостояния. Но одно несомненно: по сравнению с капиталистическим социалистическое общество движется в диаметрально противоположном направлении. Первое характеризуется эксплуатацией, господством силы денег, глубоким социальным неравенством, составляет, по меткому замечанию Генерального секретаря ФКП Жоржа Марше, для многих миллионов людей труда не «общество потребления, а общество лишений»²⁴. Второе, ликвидировав эксплуатацию человека человеком и обеспечив для трудящихся благоприятную атмосферу экономической стабильности, твердой уверенности в завтрашнем дне, неуклонно идет по пути повышения уровня жизни всех категорий населения, достижения социальной однородности и обеспечения материальных и духовных условий для всестороннего развития каждого своего члена.

Опыт создания нового строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, Азии и Америки (Куба) обогатил теорию и практику социалистического строительства, подтвердил вывод научного коммуниз-

²² В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 49, 50, 96.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 33. Следует различать материально-вещественную и социально-экономическую стороны разделения труда. С натурально-вещественной стороны, фиксирующей качественное многообразие видов конкретного труда и столь же многообразные потребительные стоимости, разделение труда является общим состоянием всякого общественного труда. Как таковое оно может быть охарактеризовано так же, как и самый труд, который «есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен вещей между человеком и природой, т. е. не была возможна сама человеческая жизнь» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 51).

²⁴ «L'Humanité», 6.IX.1973.

ма об общих закономерностях, присущих этому строительству и выражающих единую, интернациональную сущность социализма, однотипность его форм. Вместе с тем этот опыт выявил полную несостоятельность попыток истолкования учения об общих закономерностях социалистического строительства как трафарета, который «чисто внешне накладывается на историческую реальность, оставляя открытыми места, предусмотренные стандартом, и закрывая для наблюдения и исследования все то особенное, специфичное, необычное, что не предусмотрено при его изготовлении»²⁵.

Вопрос о разнообразии путей революционного перехода от капитализма к социализму, различии конкретно-исторических условий социалистического строительства и политических форм нового строя довольно широко обсуждается нашими идейными противниками. Предпринимается это прежде всего с той целью, чтобы противопоставить одни страны социализма другим и тем самым способствовать их разобщению. В первую очередь именно для этого выдвигается в противоположность марксистско-ленинскому учению об общих закономерностях социалистического строительства тезис о множественности «моделей» социализма, каждой из которых присущи будто бы свои особые, принципиально отличные черты. В работах советологов под «моделью» социализма понимается и логическая конструкция нового общества применительно к тем или иным условиям, и само это общество как практическое воплощение данной конструкции. Понятие «модель» социализма применяется при описании не только внутренней организации стран мировой социалистической системы, но и государств, находящихся за ее пределами. В этом последнем, «широком» смысле такое понятие употребляется главным образом в том случае, когда делается попытка обосновать «право на жизнь» разных типов социализма. Так, американский буржуазный идеолог М. Харрингтон, предпринявший подобную попытку, утверждает, что в современных условиях действуют якобы «русский, китайский, югославский, шведский, израильский, африканский, кубинский, чилийский, арабский и другие типы социализма»²⁶. В чем, например, сущность «шведской модели»? Один из ее авторов, видный деятель международной социал-демократии, Т. Эрландер, видит эту сущность в «демократических реформах», которые, по его мнению, «способны вывести общество за рамки старого капитализма путем постепенного преобразования общества»; «реформизм,— утверждает он,— не только соответствует духу Маркса, но и представляет собой единственно подлинный марксизм»²⁷.

Однако эта концепция постепенной «социализации» капиталистического общества посредством его буржуазно-демократического реформирования не имеет ничего общего с подлинным марксизмом, и ее реализация не может привести к социализму. Подобные концепции фактически служат задачам консервации капитализма, коль скоро в них отрицается необходимость социалистической революции и выброшен марксов принципиальный вывод, что после ее победы организация власти не может быть не чем иным, кроме как диктатурой пролетариата, используемой государственно организованным рабочим классом в качестве главного орудия ликвидации социально-экономической основы эксплуатации человека человеком, обеспечения победы социалистических производственных отношений, утверждения в новом обществе системы подлинно демократического общественного управления в интересах трудящихся и через самих трудящихся.

Более того, самую цель создания нового общества, основные конту-

²⁵ Ю. А. Красин. Дialeктика революционного процесса. Методологические проблемы. М. 1972, стр. 202.

²⁶ M. Harrington. Socialism. N. Y. 1972, p. 7.

²⁷ T. Erlander. 1901--1939. Stockholm. 1972, p. 128.

ры которого с гениальной прозорливостью начертали основоположники научного коммунизма, Т. Эрландер считает эфемерной. «Главное,— пишет он,— заключается не в построении идеального общества будущего — рая не было и никогда не будет,— а в социалистическом решении насущных проблем данного поколения. Важно не то, кому принадлежит собственность — обществу или частным лицам, а то, как используется право собственности»²⁸. Такого рода «модель» социализма вполне приемлема для защитников старого мира, поскольку она не заключает в себе его революционного отрицания. Эта «модель» не предполагает ниспровержения святая святых буржуазного общества — частной собственности на орудия и средства производства; а что касается призывов к «разумному», «гуманному» использованию права собственности, то монополистическому капиталу нет от них никакого вреда. «Длительное пребывание социал-демократии у власти в послевоенный период,— отмечает шведский экономист К. Карлссон,— не приблизило Швецию к «преобразованию общества в социалистическом направлении». Напротив, власть крупного капитала усилилась. Сегодня народ вновь убеждается, что идеи социал-демократов о более справедливом обществе под их руководством — чистая утопия»²⁹.

Вот почему идеологи империализма поднимают на щит эти мелкобуржуазные утопии, выдавая их за последнее слово современной социалистической мысли. А заодно — в унисон с социал-реформистскими теоретиками — они стараются дискредитировать самую идею обобществления средств производства, всячески преуменьшить значение этого важнейшего шага на пути революционного переустройства общества. Они утверждают, что «полное или частичное обобществление средств производства не может именоваться социализмом» (Ж.-Ф. Ревель), что «ни критерий собственности сам по себе, ни признак производства прибыли посредством продажи не являются достаточными для описания основных различий... между социализмом и капитализмом» (Н. Спалбер) и многое другое³⁰.

Нападки на общественную собственность и социалистические принципы хозяйствования не случайны. Они-то как раз и вскрывают классовую подоплеку антикоммунистических писаний. Ибо общественная собственность на все основные орудия и средства производства — важнейший элемент экономической структуры социалистического общества в любой его форме, если под этой структурой разуметь обусловленную реальными, в первую очередь объективными, причинами конкретную организацию этого общества в той или иной стране, конкретное воплощение в жизнь общих научных принципов социализма. Эти нападки — наглядный пример непрекращающейся борьбы буржуазной идеологии против марксистско-ленинского учения об общих закономерностях социалистической революции и строительства социализма, учения, составляющего непоколебимую теоретико-методологическую и практико-политическую опору мирового коммунистического движения.

Марксисты-ленинцы отнюдь не сводят содержание социализма лишь к общественной собственности и не полагают, что уже само наличие этой собственности предохраняет социалистические страны от ошибок и волюнтаристских решений. Но отсюда еще не следует какое-либо умале-

²⁸ Т. Erlander. Op. cit., p. 133.

²⁹ К. Карлссон. Приблизилась ли Швеция к «преобразованию общества в социалистическом направлении»? «Проблемы мира и социализма», 1972, № 12, стр. 55. Господствующие позиции в капиталистической экономике Швеции занимают в настоящее время 200 крупнейших монополий, на долю которых приходится 70% всех частных капиталовложений и 85% экспорта страны («Ny Dag», 16.VIII.1973).

³⁰ J.-F. Revel. Ni Marx, ni Jesus. De la seconde révolution américaine à la seconde révolution mondiale. P. 1970, p. 28; N. Spulber. Socialism. Industrialization and «Convergence». «Jahrbuch der Wirtschaft Osteuropas». Bd. 2. München—Wien, 1971, S. 399; A. Lauterbach. Kapitalismus und Sozialismus in neuer Licht. München. 1963, S. 8.

ние значения общественной собственности, а тем более вывод о необязательности ее наличия в стране, ставшей на путь социализма. Социалистического общества, в котором эта собственность не занимала бы господствующих позиций, не существует.

Народнохозяйственная система, основанная на двух формах социалистической собственности — государственной и кооперативной, убедительно демонстрирует свои преимущества. В то время как в мире капитала неудержимо растет стоимость жизни³¹, расширяется пропасть между богатыми и бедными³², все сильнее давит на плечи трудящихся налоговый пресс³³, в странах социализма неуклонно повышается уровень благосостояния всех категорий трудящихся. За один только 1973 г. реальные доходы на душу населения увеличились в Болгарии на 7,9%, Венгрии — на 4,5—5%, ГДР (чистые денежные доходы населения) — на 5,6%, Польше (реальная зарплата) — на 10%, СССР — на 5%, ЧССР (денежные доходы) — на 6,2%. Возросли также доходы трудящихся Румынии, Кубы, МНР³⁴. Но достижения социалистических стран не ограничиваются сферой экономического роста, повышения материального уровня жизни людей. Неоспоримы их успехи в обеспечении принципиально иного, чем при капитализме, качества жизни, создании условий для всестороннего духовного расцвета, полного развития способностей и талантов человека. Именно это имел в виду Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл, когда на XXIV съезде КПСС заявил, что «сейчас на чашу весов брошена вся качественная сторона жизни. Уровень материального достатка при этом играет очень важную роль, но масштабы измерения сейчас стали гораздо шире. Они включают весь спектр человеческих ценностей, их сравнительную значимость, которая определяется внутренними законами каждой системы. Она включает концепции морали, культуры и философии, присущие этим системам. Многие из этих новых компонентов, которые влияют на качественную сторону жизни, не измеришь никакими цифровыми показателями»³⁵.

Не потому ли враги социализма стремятся всячески принизить роль общественной собственности как экономической основы планового социалистического хозяйствования, что вполне отдают себе отчет в огромной силе воздействия этого хозяйствования, социальных завоеваний нового строя на все страны и народы. Весьма симптоматичны слова английского «специалиста по международному коммунизму» из Лондонской школы экономических и политических наук Дж. Стерна о том, что «большевистский эксперимент оставил неизгладимый след в мире за по-

³¹ «Вместо обещанной нам «социальной Европы» мы живем в Европе дороговизны и растущей безработицы. Если основываться на правительственной статистике, то в 1973 г. цены возросли в Бельгии на 7,3%, в ФРГ — на 7,8%, в Нидерландах — на 8,2%, во Франции — на 8,5%, в Великобритании — на 10,6%, в Италии — на 12,3%. Не следует забывать, что это лишь официальные цифры; реальный рост стоимости жизни значительно выше. Так, во Франции, по более точным оценкам, он составил не 8,5, а 11,5%» («L'Humanité», 1.II.1974). В США стоимость жизни возросла в 1973 г. на 10% («The New York Times», 22.III.1974).

³² Если чистые прибыли американских корпораций увеличились в 1972 г. по сравнению с 1965 г. на 45%, то среднегодовой доход рабочей семьи возрос за этот период всего на 4% (в 1973 г. реальный доход американских трудящихся уменьшился на 4,5%). По данным профессора Массачусетского технологического университета Л. Туроу, 2,5% населения США, стоящего на верхних ступенях социальной лестницы, владеют 44% всего материального богатства страны (см. «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран» Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 8, стр. 76; «The New York Times», 22.III.1974; L. Thurow. The Impact of Taxes on the American Economy. N. Y. 1971, p. 19).

³³ Например, в США федеральные налоги за 1968—1972 гг. выросли на 50%, а местные — на 70%. Налоги на социальное страхование увеличились за это пятилетие на 165% и составляют 7% общего фонда заработной платы («Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран», стр. 76).

³⁴ «Правда», 15.II.1974; «Проблемы мира и социализма», 1974, № 5, стр. 11—13.

³⁵ «Приветствия XXIV съезду КПСС». М. 1971, стр. 264.

следние пятьдесят лет. Он способствовал появлению новых концепций, которые даже враги признали полезными. Были внесены изменения в отношения собственности, положено начало экономическому планированию, которое служило примером для одних и предостережением для других. Влияние большевистского эксперимента на мировое соотношение сил оказалось чрезвычайно глубоким. Одним из его последствий явилось ускорение упадка западного колониализма»³⁶.

Чтобы ослабить это влияние, антикоммунисты предпринимают — в числе многого другого — «сравнительный анализ» различных «моделей», или «типов» социалистического общества. При этом, как правило, акцент делается на «недостатках» реального социализма с итоговым «выводом», о подлинном смысле которого нетрудно догадаться. «То, что произошло в России в октябре 1917 г., — заявляет, например, Ревель, — не было началом и не может служить моделью социалистической революции»³⁷. А. Гарриман также полагает, что социализм в России «был трагическим шагом назад в истории человечества»³⁸. А коллега Дж. Стерна по Лондонской школе экономических и политических наук П. Уайлс утверждает, что «капитализм, если только оставить его в покое, автоматически перерастет в нечто гораздо более желательное, чем полный коммунизм»³⁹. Так перебрасывается мост от рассуждений о недостатках социалистического общества к прямой апологетике капитализма. Можно сказать, что именно для этого и предпринимают буржуазные идеологи «изыскания» в области теории и практики современного социализма. Смысл их состоит в одном: дискредитировать те реальные формы, в которых новый строй воплотился в СССР и в других странах социалистической системы, предложить в качестве более предпочтительных ревизионистские «модели» этого строя или, во всяком случае, попытаться затушевать принципиальный водораздел между марксистско-ленинским учением о социализме и реформистскими и оппортунистическими представлениями о нем.

В антикоммунистической литературе нередко говорится о «моделях» социализма и в более «узком» смысле слова — применительно лишь к странам мировой социалистической системы. Так, профессор Карлтонского университета А. Бромке заявляет, что в Восточной Европе существует «по крайней мере четыре вида коммунизма». Один из ведущих специалистов Центра по исследованию внешней и военной политики США при Чикагском университете, профессор Г. Моргентау, тоже полагает, что следует различать четыре «модели», или «типа» коммунизма. Решающим критерием при этом выступает для Моргентау специфика внешнеполитического курса США в отношении тех или иных стран. «Каждую из этих форм, — пишет он, — следует рассматривать, учитывая то значение, которое имеет внешняя политика этих стран с точки зрения интересов Соединенных Штатов в каждом конкретном случае»⁴⁰. Другие буржуазные идеологи связывают вопрос о «моделях» социализма в первую очередь с деятельностью того или иного национального лидера, его внешнеполитическими акциями и т. п. Однако западногерманский советолог Г. Барч критикует такой «поверхностный» подход за «нечеткость» и «субъективно искаженное представление о проблемах» и предлагает раз-

³⁶ G. Stern. The Crisis of Communism—The First World Political Creed. «International Affairs», November 1970, p. 86.

³⁷ J.-F. Revel. Op. cit., p. 28.

³⁸ A. Harriman. America and Russia in a Changing World. A Half Century of Personal Observation. N. Y. 1971, p. 7.

³⁹ «The Future of Communist Society». Ed. by W. Lagueur and L. Labedz. N. Y. 1962, p. 57.

⁴⁰ «The Communist States in Disarray, 1965—1971». Ed. by A. Bromke, T. Rakowska-Harnistone. Minneapolis. 1972, p. 3; H. Morgenthau. We Are Deluding Ourselves. «The New York Times Magazine», 18.IV.1965, p. 85; e jusd. Politics in the Twentieth Century. Chicago. 1971, p. 411.

личать «три модели коммунизма: государственно-коммунистическую, национально-коммунистическую и, наконец, демократически-коммунистическую...»⁴¹.

Нетрудно понять, что в «моделях» А. Бромке, Г. Моргентау и Г. Барча затушевывается принципиальная разница между объективно необходимой формой социализма (то есть той внутренней организацией социалистического общества в данной стране, которая определяется конкретно-историческими условиями, культурными традициями и т. д. и наилучшим образом соответствует задаче развития в ней социализма) и его деформациями, происходящими по различным причинам. То, что, скажем, А. Бромке и Г. Моргентау разумеют под «китайским» или «албанским» типом коммунизма, — это на самом деле вовсе не предопределенная национальными условиями форма строящегося социалистического общества, а всего лишь извращение марксистско-ленинских принципов его организации, игнорирование как объективных закономерностей создания нового строя, так и конкретных условий страны. Аналогичным образом обстоит дело и с «моделями» Г. Барча. Например, то, что он называет «демократически-коммунистической моделью, существовавшей на протяжении восьми месяцев 1968 г. в Чехословакии»⁴², в действительности означало подрыв политических, экономических и идеологических основ социалистического общества.

Мишура широковещательных заявлений и сомнительных реформ сбила с толку многих (и прежде всего молодежь) в Чехословакии и за ее пределами, не разглядевших за разговорами об «улучшении» социализма и придании ему «человеческого лица» оппортунистической сущности проводившегося тогда курса, идейно-политического отступничества его вдохновителей. Характеризуя на XIV съезде чехословацких коммунистов сложившуюся в 1968 г. обстановку, Генеральный секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак указывал: «Партия в значительной степени оказалась идейно разоружена. Под нажимом пропаганды правых сил массы трудящихся не сумели противостоять организованному и координированному напору внутренних и внешних ревизионистских и враждебных сил. Общим знаменателем устремлений ревизионистских и антисоциалистических сил был в нашей стране национализм и антисоветизм»⁴³. Однако то, в чем не сумела разобраться политически неопытная молодежь (и, конечно, не только она), прекрасно понимали буржуазные идеологи и политики. Так, западногерманский политический деятель, член федерального правления ХДС А. Дреггер с циничной откровенностью заявлял, что «реформы Дубчека, значение которых, возможно, он (Дубчек. — Ю. Н.) и сам полностью не осознал, в конечном счете были направлены на создание в ЧССР политической и общественной системы, которая лишь деталями разнилась бы от строя на Западе, но принципиально отличалась бы от строя в социалистическом лагере». Буржуазная пропаганда не жалеет красок, чтобы привлекательнее изобразить реформы «пражской весны»; она охотно пропагандирует тезисы «пражских реформаторов», ныне открыто перешедших в услужение антикоммунизму⁴⁴. Идеологи империализма пытаются выдать за «демократически-коммунистическую модель» эту правооппортунистическую деформацию социализма, реакционные мелкобуржуазные представления о нем, попытка реализации которых обернулась для ЧССР глубоким внутри- и

⁴¹ G. Bartsch. Revolution und Gegenrevolution in Osteuropa seit 1948/IV/. «Aus Politik und Zeitgeschichte». Bd. 9, 28.II.1970, S. 79.

⁴² Ibid.

⁴³ «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага. 25—29 мая 1971 г.». М. 1971, стр. 28.

⁴⁴ A. Dregger. Die Alternative. Eine Politik für die Freiheit Europas. «Ostpolitik im Kreuzfeuer». Stuttgart. 1971, S. 169; см. также: E. Löbl, L. Grünwald. Die intellektuelle Revolution. Hintergründe und Auswirkungen des «Prager Frühlings». Düsseldorf. Wien. 1969, S. 214.

внешнеполитическим кризисом, толкала страну вспять, к буржуазным порядкам.

То же самое можно сказать и о так называемой «национально-коммунистической модели». Известно, что в течение ряда лет буржуазные идеологи поднимали на щит нараставшие в СФРЮ националистические тенденции, с помощью всевозможных спекуляций вокруг них стремились подкрепить тезис о реальности «национального коммунизма». В «Платформе для подготовки позиций и решений X съезда СКЮ» — важном политическом и теоретическом документе югославских коммунистов — дана принципиальная оценка причинам, вызвавшим рост указанных тенденций. В нем определена линия на укрепление функций диктатуры пролетариата, усиление в государственной структуре страны руководящей и организующей роли СКЮ⁴⁵. Эта линия, конечно, не нравится антикоммунистам, ибо во многом осложняет их усилия, нацеленные на противопоставление одних социалистических стран другим. Не приходится, однако, сомневаться, что буржуазные идеологи будут искать новые объекты для своих спекуляций, пытаться использовать их в качестве «аргументов» своего фальшивого тезиса о множественности «моделей» нового строя, выдавать за подобные «модели» все, что угодно, лишь бы опорочить основы теории научного коммунизма, принизить интернациональный опыт мирового социализма, дать тенденциозную трактовку перспективам его развития.

Перспективы стран социализма марксисты-ленинцы связывают в первую очередь с построением и всесторонним совершенствованием развитого социалистического общества, о котором В. И. Ленин говорил как об относительно дальней по сравнению с тем, что было достигнуто в первые годы Советской власти, цели⁴⁶. Теперь эта цель поставлена как задача сегодняшнего дня, ибо «ряд стран социалистического содружества вступил в полосу развития, которую компартии этих стран определяют как строительство зрелого или развитого социализма. На этом этапе перед ними встают обширные и весьма сложные задачи: как лучше всего соединить преимущества социалистического строя с новейшими достижениями научно-технической революции; как обеспечить на этой основе высокую эффективность и планомерное пропорциональное развитие всего народного хозяйства, значительное повышение народного благосостояния; в каких формах шире развернуть и углубить работу по формированию сознания людей в социалистическом духе; какими путями двигаться дальше в творческом развитии социалистической демократии; как поднять на новый уровень сотрудничество братских социалистических стран»⁴⁷.

На решении этих задач концентрируются ныне усилия народов социалистических государств. А поскольку от достигнутых в этой области успехов и зависит прежде всего прогресс социализма как общественного строя и как мировой системы, эти задачи также находятся в центре внимания наших классовых противников, стремящихся дать им тенденциозное толкование и помешать их выполнению. Конечно, далеко не каждый западный теоретик или пропагандист, рассуждающий об указанных вопросах, относит их к проблематике развитого социализма. Во враждебной нам буржуазной литературе наметились две линии по отношению к этой проблематике: первая — замалчивание, игнорирование вывода марксистско-ленинской науки о развитом социализме как необхо-

⁴⁵ См. «Социалистическая мысль и практика» (Белград), 1973, № 41, стр. 102.

⁴⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 139, т. 40, стр. 104.

⁴⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3. М. 1972, стр. 398.

димом этапе в совершенствовании нового строя, важной ступени движения общества по пути к коммунизму; вторая — признание факта создания развитого социалистического общества в СССР и его строительства в других социалистических странах и антикоммунистическая интерпретация этого факта, сводящая, по существу, на нет вышеупомянутое признание. Разумеется, такое разделение условно и цели представителей названных двух линий одинаковы. Это — дискредитация социализма, противопоставление ему буржуазных порядков, якобы полнее соответствующих «природе человека», возможностям социально-экономического прогресса и «самовыражения» личности.

Главным во всех модификациях антикоммунизма является вопрос о власти, формах ее осуществления. Политическая система современного социализма — объект пристального внимания империалистических идеологов. Те из них, кто вообще замалчивает проблематику развитого социализма, полностью отрицают демократизм социалистического общества. Представители этого направления продолжают оперировать уже известными пропагандистскими заявлениями о «диктаторском режиме», «тоталитаризме» и тому подобном⁴⁸. Раньше, когда в странах социализма решался вопрос «кто — кого», основным приемом империалистической пропаганды было тенденциозное изображение природы революционного насилия. Теперь же акцент делается на ложном истолковании сущности хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функций социалистического государства. На этапе строительства и всестороннего совершенствования развитого социализма эти функции занимают в государственной деятельности важнейшее место, и роль их постоянно возрастает. Понимая это, антикоммунисты стремятся в искаженном свете представить смысл тех задач, которые решает ныне социалистическое государство. Всестороннее развитие хозяйственно-организаторских и культурно-воспитательных функций социалистического государства они изображают как «упадок насилия»; дальнейшее упрочение марксистско-ленинской идеологии, воспитание у строителей развитого социализма высоких чувств гражданственности и интернационализма, принципов коммунистической морали и нравственности — как «идеологическую дрессировку» и т. п. В общем, цель этих представителей антикоммунизма состоит в том, чтобы ни на йоту не отступить от пресловутой концепции «тоталитаризма», содержание которой состоит в перенесении на социалистические страны «модели» организации фашистских государств с их принципом тотального политического контроля. Именно таковы выводы профессора Колумбийского университета З. Бжезинского, который снискал себе известность на Западе как поставщик различных рецептов «мирного вмешательства» в дела социалистических государств⁴⁹. Его прямо-таки выводит из равновесия тот факт, что благодаря авторитету КПСС и безраздельному господству марксистско-ленинской идеологии «партийная Программа воспринимается всеми трудящимися, государственными органами и общественными организациями как исходная теоретическая база деятельности, как своего рода идейная конституция страны»⁵⁰.

Антикоммунисты не оставляют без внимания и факт возрастания руководящей роли КПСС, обусловленный усложнением задач управления социалистическим обществом по мере того, как оно достигает все более зрелого вида, необходимостью решения вопросов научно-технической революции и т. д. Будучи преломленным сквозь призму антиком-

⁴⁸ См. McClellan. Democracy: Its Meaning, Purpose and Significance. San Francisco. 1971, p. 65; Z. Brzezinski. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N. Y. 1970, p. 142.

⁴⁹ См. «Survey», 1969, № 72, p. 39.

⁵⁰ Г. Х. Шахназаров. Социалистическая демократия. Некоторые вопросы теории. М. 1972, стр. 86.

мунистических представлений, этот факт оказывается искаженным до неузнаваемости и в таком виде преподносится как «аргумент» в пользу клеветнических прогнозов насчет дальнейшего развития общественно-политической структуры социализма. В данном случае фальсификаторы пытаются отождествить развитие политической надстройки социалистических стран с теми процессами, которые характерны для многих капиталистических государств, где, по признанию самих буржуазных авторов, политическая структура испытывает сильнейшее воздействие антидемократических процессов. Г. Моргентау, например, заявляет: «Тоталитарное состояние сознания есть универсальное явление. В своем фашистском выражении это сознание потеряло империи, в которых оно господствовало, но завоевало многие души. Западные демократы широко восприняли фашистские стандарты, не ведая об этом»⁵¹. Ослепленные ненавистью к социализму, буржуазные идеологи пытаются отождествить эти регрессивные явления с прогрессивными процессами в политической надстройке СССР, других стран социализма — возрастанием ведущей роли марксистско-ленинской партии, улучшением государственного руководства экономикой и другими сферами общественной жизни, совершенствованием системы коммунистического воспитания и т. д.

Перед народами СССР, построившими развитое социалистическое общество, открываются новые исторические горизонты. Но одновременно возникают многогранные и сложные задачи, которые определяются достигнутым уровнем социалистической зрелости советского общества и перспективами его прогресса. И, как подчеркивает член Политбюро, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, «ключ к успешному выполнению новых грандиозных экономических и социальных планов партия видит прежде всего в дальнейшем развертывании творчества и инициативы советских людей, в повышении их политической и трудовой активности»⁵². Магистральным направлением повышения политической и трудовой активности населения КПСС, как и партии братских государств, считает расширение и углубление социалистической демократии, развитие которой — закономерность строительства социализма и коммунизма.

Буржуазные идеологи, твердящие о «тоталитаризме» политической системы СССР, сознательно замалчивают деятельность партии и Советского государства, направленную на неуклонную демократизацию внутрипартийной и всей общественной жизни, всячески принижают значение мер по улучшению работы и повышению роли массовых организаций, особенно Советов депутатов трудящихся, профсоюзов, комсомола. Эти идеологи или просто игнорируют, или извращают суть проводимых в СССР мероприятий по совершенствованию и укреплению законодательных основ социалистической демократии, законов, расширяющих права и полномочия местных Советов депутатов трудящихся, определяющих статус депутатов Советов всех ступеней, основ законодательства о труде, прав профсоюзных организаций и других законодательных актов, направленных на укрепление социалистической законности и развитие социалистической демократии. Наши противники паразитируют на проблемах, возникших в свое время в связи с культом личности и субъективизмом, цепляются за любые несостоятельные «попытки обелить явления прошлого, которые партия подвергла решительной и принципиальной критике, законсервировать представления и взгляды, идущие вразрез с тем новым, творческим, что партия внесла в свою практическую и теоретическую деятельность в последние годы»⁵³. Только с помощью таких спекулятивных приемов и грубых подтасовок ими поддерживается антикоммунистический миф о «тоталитарном режиме» в СССР и других социалистических странах.

⁵¹ Н. Morgenthau. Politics in the Twentieth Century, p. 9.

⁵² М. А. Суслов. Избранное. Речи и статьи. М. 1972, стр. 686.

⁵³ «Материалы XXIV съезда КПСС». М. 1971, стр. 88.

Некоторые буржуазные идеологи стараются, впрочем, как-то «осовременить» концепцию «тоталитаризма». Они не выступают с такими «сногшибательными» толкованиями развития политической организации социалистических стран, как только что приведенные. Как указывал кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев, они, «превратно истолковывая особенности развитого социализма, пытаются представить дело таким образом, будто социалистическое общество постепенно утрачивает свою революционность, «обуржуазивается» и приобретает якобы черты так называемого «потребительского общества»⁵⁴. Аргументация, с помощью которой буржуазные теоретики проводят сомнительные параллели между «потребительским обществом» и обществом развитого социализма, восходит чаще всего к концепции «технологического детерминизма». Так, профессор Западноберлинского университета Р. Лёвенталь пишет, что индустриальный прогресс должен привести к «целому ряду конкретных политических конфликтов» в странах социализма. Главный конфликт он усматривает между якобы утратившей революционную динамику политической организацией развитого социалистического общества и его прогрессирующими «технологическими основаниями», социально-экономическим ростом. Свои псевдонаучные рассуждения Р. Лёвенталь завершает словами, которые выдают его заветную мечту: «Конечное отмирание революционной динамики приводит к критическому пересмотру понимания роли партии в обществе и, следовательно, к кризису ее политической правомерности». Лёвенталь призывает лидеров капиталистического мира проявлять «гибкость» в отношениях с компартиями социалистических стран⁵⁵. Нетрудно увидеть, что подобные призывы мало чем отличаются от выводов, скажем, того же Бжезинского, хотя и выражены в несколько иной форме. Тот и другой пытаются оспорить необходимость политического руководства социалистическим обществом со стороны марксистско-ленинской партии, дискредитировать ее⁵⁶.

Политическое руководство — наиболее важная функция марксистско-ленинской партии. В нем находит свое главное выражение та целенаправленность, которая придается всему развитию общества социалистической революцией. В. И. Ленин подчеркивал, что «только политическая партия рабочего класса, т. е. Коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который один в состоянии противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы, неизбежным традициям и рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата и руководить всей объединенной деятельностью всего пролетариата, т. е. руководить им политически, а через него руководить всеми трудящимися массами»⁵⁷. В этих ленинских словах — суть общезначимого принципа организации нового строя, важнейшей закономерности его развития вплоть до достижения такого общественного состояния, когда партия полностью сольется с рабочим классом, когда весь рабочий класс будет коммунистическим и когда коммунизм перестанет быть предметом борьбы. В. И. Ленин называл достижение в будущем подобного общественного состояния переходом «не к низшей и не к средней, а к высшей фазе коммунизма»⁵⁸.

⁵⁴ П. Демичев. Развитой социализм — ступень на пути к коммунизму. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 1, стр. 11.

⁵⁵ R. L ö w e n t h a l. Entwicklung kontra Utopie. Das kommunistische Dilemma. «Der Monat», November 1970, Hf. 266, S. 74, 78, 80, 81, 84.

⁵⁶ См. «Five Years after Khrushchew». «Survey», 1969, № 72, p. 39; R. L ö w e n t h a l. Op. cit., S. 84.

⁵⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 94.

⁵⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 27.

Коренная особенность социализма состоит в том, что вся система общественных отношений, равно как организация производства, труда и быта людей, строится на научных началах. Для Страны Советов, подчеркивал В. И. Ленин, «ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну», необходимо, «чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»⁵⁹. Сказанное не означает недооценки объективных законов индустриального и социального прогресса. Но, глубже постигая эти законы, общество в состоянии эффективнее использовать их в своих целях. И понимаемая таким образом роль в общественном развитии субъективного фактора, прежде всего партии, ее политического руководства, не изживает себя на современном этапе социалистического строительства, как твердят антикоммунисты, а возрастает. Марксистско-ленинская партия сочетает в своей деятельности идеологию с политикой и научную теорию с общественной практикой, является носителем аккумулярованного знания и опыта, с одной стороны, авторитета власти — с другой. Она употребляет эти знания, опыт и власть в интересах такого укрепления и совершенствования производственных и всех общественных отношений, какое способствовало бы умножению ростков коммунизма. Именно благодаря политическому руководству, осуществляемому партией, энергия общества и государства направляется уже не только на то, чтобы поддержать свое существование и обеспечить возрастание материальных и духовных благ: она концентрируется на планомерном и сознательном достижении целей коммунистического строительства.

Разумеется, методы и формы осуществления партией своей руководящей роли не остаются неизменными. Если на начальной стадии социалистического строительства необходим решительный революционный разрыв с жизненным укладом старого общества, насильственное изменение его социально-экономической структуры, то в дальнейшем на первый план выдвигается более деловой и гибкий, говоря ленинскими словами, «реформистский»⁶⁰ подход. Основным способом социально-экономических преобразований, разрешения возникающих противоречий становится реформа, приобретающая в условиях социализма новый смысл с точки зрения как содержания, так и методов осуществления⁶¹. Однако такое изменение методов и форм управления общественным развитием отнюдь не обесценивает роли партийного руководства или «идеологически ориентированной политической власти» (если употребить здесь формулировку Р. Лёвенталя), вовсе не отменяет диалектики базиса и надстройки, относительной самостоятельности последней, ее обратного воздействия на социально-экономические отношения.

Абсолютно несостоятелен тезис буржуазных идеологов об «остром конфликте» между возможностями социалистической системы управления и хозяйствования и потребностями производственно-технического и социально-экономического развития. Конечно, темпы индустриального роста и прогресса в управлении полностью не совпадают и при социализме. Причина тому — динамизм производственно-технического прогресса, с одной стороны, и относительная статичность методов и форм управления — с другой. Иными словами, и в условиях социалистического общества существует известное противоречие между объективной потребностью в стабильном механизме управления, который обеспечивал бы бесперебойную работу производства, и необходимостью постоянно приспосабливать этот механизм к требованиям развития производительных сил, к запросам научно-технической революции. Но указанное про-

⁵⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 391.

⁶⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 222—223.

⁶¹ Подробнее об этом см.: Н. Ф. Долговых. Политика как наука и искусство. «Проблемы научного коммунизма». Вып. 6. М. 1972, стр. 66—68.

тиворечие не имеет характера политического конфликта и, как показывает практика, успешно разрешается с помощью экономических реформ, совершенствования планирования и всех других звеньев управления.

Десятилетие назад, когда в ряде социалистических стран началось осуждение и решение вопросов реорганизации механизма управления экономикой для того, чтобы привести это управление в соответствие с задачами этапа развитого социализма (эти задачи совпали по времени с широким внедрением в производство достижений научно-технической революции), антикоммунисты почти в один голос заговорили об «отходе» от марксистско-ленинских принципов руководства, с жаром принялись составлять всевозможные прогнозы насчет «возврата к капитализму»⁶². К настоящему времени пыл буржуазных футурологов сильно поубавился. Жизнь опрокинула расчеты незадачливых «прорицателей». Многие из тех, кто безапелляционно объявлял в середине 60-х годов о «повороте» стран социализма к буржуазным методам хозяйствования и громкогласно указывал на «несостоятельность» социалистического централизованного планирования и управления производством, предпочли временно отойти на задний план. Более добросовестные буржуазные исследователи делают совершенно иные выводы о существовании и результатах этих реформ. Так, профессор Лондонского королевского военного колледжа Д. Вильчински пишет, что хозяйственные реформы в социалистических странах «представляют не случайный продукт политической «десталинизации» или «возврата к капитализму», а логический и необходимый эволюционный процесс, обусловленный более высокой стадией экономического роста». Анализируя общее и особенное в преобразовании механизма управления и хозяйствования стран социализма, Д. Вильчински признает, что «вопреки ожиданиям на Западе нет свидетельств того, что эти страны, включая Югославию, стали на путь реставрации капитализма». В книге подчеркивается, что изменения в системе ценообразования и особенно повышение роли прибыли в деятельности предприятий, а также использование других форм экономического стимулирования способствовали значительной интенсификации социалистического производства. Одним из важных результатов экономических реформ, отмечает автор, явилось возросшее внимание к эффективности капиталовложений⁶³.

Выводы лондонского профессора о бесперспективности расчетов на реставрацию в странах социализма капиталистических порядков симптоматичны в том смысле, что свидетельствуют о медленной, мучительной, непоследовательной, но все же начинающейся «переоценке ценностей», отходе многих буржуазных идеологов от антикоммунистических догм времен «холодной войны». Эту тенденцию нельзя не приветствовать, поскольку «коммунисты стоят за честное состязание в сфере идей, однако выступают принципиальными противниками «психологической войны» — проповеди вражды и ненависти между народами, распространения клеветы и лжи на международной арене»⁶⁴. Эти выводы могут служить весьма трезвым предупреждением для тех, кто хотел бы остаться в обветшалых окопах «холодной войны» и далее интерпретировать в духе антикоммунизма проблемы, решаемые народами социалистических государств в ходе строительства и всестороннего совершенствования развитого социализма.

⁶² Подробнее об этом см.: Ю. С. Новопашин. Стратегия «мирного вмешательства». Критика некоторых буржуазных концепций о современном социализме. М. 1972, стр. 28—73.

⁶³ J. Wilczynski. Socialist Economic Development and Reform. From Extensive to Intensive Growth under Central Planning in the USSR, Eastern Europe and Jugoslavia. L. 1972, pp. XV, 59, 180—181.

⁶⁴ «Правда», 22.VIII.1973.

В лженаучных концепциях буржуазных критиков современного социализма тесно переплетаются извращение сущности нового строя с прямой апологетикой капитализма, отрицание марксистско-ленинского учения об общих закономерностях строительства и развития социалистического общества с реформистскими и ревизионистскими рецептами его «усовершенствования». Эти критики то выступают в роли борцов за «либерализацию» политической системы социализма, то утверждают, что «Маркс ошибся относительно природы государства и смысла истории», что «непрерывный рост власти» — это и есть «конкретный смысл истории»⁶⁵, почему-де и недостижимы идеалы социализма и коммунизма. Вся эта пестрота буржуазных концепций, шараханье наших противников из стороны в сторону выражают не силу, а слабость антикоммунизма, методологическую несостоятельность его теоретиков, их органическую неспособность выработать программу, которая могла бы противостоять жизнеутверждающей силе научного коммунизма.

Однако историческая обреченность антикоммунизма отнюдь не означает, что он добровольно сложит оружие. В нынешних условиях, характерных смягчением международной напряженности, империалистические идеологи прибегают ко все более изощренным формам борьбы с марксизмом-ленинизмом, растущим влиянием социалистического сотрудничества. Они стремятся приспособить свой интеллектуальный арсенал к условиям широкого развития экономического и культурного обмена между государствами с различным общественным строем, пытаются использовать умножающиеся связи и контакты с населением стран социализма в интересах идеологической «эрозии» нового строя, его ослабления. И здесь становится особенно очевидной прикладная, служебная роль рассмотренных концепций, на которые возлагаются немалые надежды как на пропагандистское оружие, призванное поколебать уверенность народов социалистических стран в достижимости стоящих перед ними целей. Дееспособность этого идеологического оружия явно переоценивается, поскольку в расчет не берется (и в который уже раз!) марксистско-ленинская убежденность борцов за социализм и коммунизм. «Мы, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — убеждены в правоте нашего пути, нашей марксистско-ленинской идеологии и не сомневаемся, что естественные в условиях разрядки расширение контактов, обмен духовными ценностями, информацией, развитие связей между общественностью различных стран хорошо послужат распространению правды о социализме, завоеванию на сторону идей научного коммунизма новых и новых сторонников»⁶⁶.

Внутреннюю шаткость своих позиций буржуазные критики социалистического строя и далее будут стараться компенсировать различными идеологическими диверсиями. Однако шансов на то, чтобы выиграть историческую битву за умы и сердца людей, у буржуазии ничтожно мало, и никакая идеологическая «модернизация» не принесет ей победы.

⁶⁵ J. Ellul. *Autopsie de la revolution*. P. 1969, pp. 192, 198.

⁶⁶ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речь и статьи. М. 1973, стр. 568—569.